НЕВОЛЬНЫЕ СОПЕРНИКИ.

Бугровъ и Уключиновъ сошлись на одиннадцатомъ году возраста въ одномъ изъ казенныхъ заведенiй и росли вмѣстѣ. Судьба свела ихъ въ одну роту и одну камеру, и даже кровати ихъ постоянно стояли рядомъ, потому–что они оба были волосъ–въ–волосъ одного роста, такъ–что по ранжиру никого нельзя было всунуть между ними. Въ–теченiе шести лѣтъ то Бугровъ становился предъ Уключиновымъ, то опять Уключиновъ напередъ Бугрова, смотря по тому, кто кого въ теченiе года на поллинiи переросталъ; но никогда нельзя было подобрать кого–нибудь въ средину между обоими. Пришедшись другъ другу по нраву, они свыклись и крѣпко сдружились. Дружба ребяческая ничего не стоитъ: она забывается, какъ вчерашнiй обѣдъ; но если она продлится до юношескихъ лѣтъ и успѣетъ наполнить ту страшную, отчаянную пустоту, которую чувствуетъ человѣкъ,

когда въ первый разъ начнетъ постигать назначеніе свое, широко разведетъ сильныя руки, чтобъ обнять весь свѣтъ, и заплачетъ о своемъ одиночествѣ; если, говорю, дѣтская дружба доживетъ до этой поры и потребность союза пробудится одновременно въ той и другой груди, то тамъ дружба бываетъ сильна и могуча... Она рѣдка — это правда: мы подавляемъ, изъ свѣтскаго приличія, это горячее чувство, заковываемъ его благовременно въ ручные и ножные кандалы, и воображаемъ, что сдѣлали дѣло, что одержали надъ собою побѣду... Мы ходимъ тогда по бѣлу свѣту, заложивъ руки въ карманы, и смѣло приподнявъ бороду, какъ побѣдители; но, вѣрьте мнѣ, нашъ взоръ дѣлается либо мутнымъ, либо наглымъ, а чистоты въ немъ нѣтъ; осанка наша самодовольна, но внутренняго раздора намъ не укротить... Чего недостаетъ — этого мы не знаемъ, не догадываемся, а недостаетъ того, безъ чего Богъ не велѣлъ жить человѣку — друга и товарища...

Уже за годъ до выпуска Бугровъ и Уключиновъ толковали все о томъ, какъ они повезутъ другъ друга знакомить у себя въ родительскомъ домѣ, какъ будутъ тамъ дѣтски веселиться, хозяйничать въ саду, ѣздить верхомъ въ полѣ, удить рыбу, пить молоко, ѣсть творогъ и масло, какъ примутъ ихъ родители того и другаго, какъ имъ обрадуются сестры — словомъ, они долго напередъ ужь бредили домашнимъ благополучіемъ своимъ, и это принесло имъ много, много пользы. Мечты такого рода, заставляющія насъ ежеминутно считать милыхъ своихъ присущими, очищаютъ помыслы наши и хотѣніе, облагораживаютъ нравственность.

Настало наконецъ желанное время это; оба стали готовиться къ отъѣзду и, обнимая другъ друга втихомолку (потому–что имъ какъ–то совѣстно было товарищей), они повторяли, то одинъ, то другой, что едва только достаетъ силы дождаться терпѣливо этого благополучія... Ихъ, по просьбѣ, назначили въ одинъ полкъ; они отправились вмѣстѣ, положивъ заѣхать сперва къ

одному, къ Бугрову, въ Тверскую Губернію, а тамъ къ другому, въ Орловскую.

Офицерскій мундиръ и первые эполеты, тряска рядкомъ на троичной телегѣ, чистый воздухъ, тепло и зелень, просторъ до безконечности во всѣ четыре стороны, легкая фуражечка на головѣ, день и ночь колокольчикъ подъ дугой, ободрительные привѣты ямщика къ лошадямъ, своя волюшка, чинъ прапора и наконецъ сабля съ темлякомъ — какое это счастливое время!

Ранымъ–ранёшенько утромъ дорожные наши своротили съ большой дороги на проселочную, и у Бугрова сердце вдругъ забилось вдвое сильнѣе. Оставалось всего верстъ двадцать–пять до родной усадьбы его, гдѣ не бывалъ онъ шесть лѣтъ. Тамъ, по письмамъ, давно ужь знали и любили Уключинова и примутъ обоихъ съ криками радости... выбѣгутъ на крыльцо, во дворъ, сестры напереди, за ними мать, а тамъ и разсудительный отецъ, который никогда и ни въ чемъ не любитъ торопиться и потому

спокойно пропуститъ всю молодёжь эту мимо себя, а самъ развѣ немного только прибавитъ шагу противъ обыкновеннаго, зная, что онъ не опоздаетъ...

Было еще очень–рано, май на исходѣ, а въ маѣ хорошо... даже и въ Тверской Губерніи. Легонькій туманъ, какъ–будто налегшій за ночь для отдыха на землю, вяло поднимался опять въ походъ; потягиваясь спросонья по всѣмъ продоламъ и ложбинамъ, принимая образъ, онъ кутался въ сѣрый охабень свой, сливаясь тутъ и тамъ со столбами дыма; вершины холмовъ и проснувшіеся лѣса ужь стряхнули съ себя это ночное одѣяло, въ свѣжей зелени встрѣчали красное солнышко и готовились продышать денёкъ среди раздолья, на радость человѣку, во славу Создателя. Жаворонокъ ликовалъ надъ гнѣздышкомъ своимъ, потряхивая лётками; грачи стаями тянулись вдалекѣ съ ночлега въ поле; впереди глухо раздавался равномѣрный стукъ валька какой–то ранней прачки, а ему вторилъ двойной отголосокъ. Все было празднично и чинно; даже

крестьянъ не видно было въ полѣ, потому–что это было время такъ–называемаго междупарья.

«Какъ мы съ тобой счастливы!» сказалъ живой и вертлявый Бугровъ своему товарищу, который сидѣлъ задумавшись: «какъ мы счастливы! какія радости насъ ожидаютъ, не правда ли?» — «Что?» спросилъ Уключиновъ, приподнявъ брови, потому–что онъ изъ–за колокольчика не слыхалъ ни одного слова. Бугровъ принужденъ былъ возвысить голосъ и прокричать товарищу изъявленіе своего восхищенія на ухо. Тотъ кивнулъ головой, промолчалъ, а потомъ, немного погодя, надумался и пожалъ товарищу руку. Бугровъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, оглядывался во всѣ стороны, старался узнавать и припоминать мѣстность, кричалъ, разсказывалъ и объяснялъ. Впервые еще испытывалъ онъ это чувство, увидать послѣ первой и долгой разлуки родину свою, и не зналъ, куда дѣваться отъ восторга. Два часа прошли скоро; поднялись небольшимъ изволокомъ на

взлобокъ, и увидѣли еще за горой невысокую колокольню; спустились, перевалились чрезъ холмистую гряду — и вотъ усадьба лицомъ къ лицу: просадь толстыхъ, старыхъ деревьевъ проѣхали мимо, потому–что она когда–то посажена была вдоль и посрединѣ двора, въ томъ предположенiи, что современемъ выстроится тутъ барскiй домъ; но дѣло не состоялось: просадь выросла и заглохла, а маленькiй домикъ, поставленный въ сторонѣ и назначенный современемъ подъ ухожи, все еще служилъ ужь другому поколѣнiю Бугровыхъ жилымъ домомъ, постепенно расползаясь въ ширину, какъ старый боровикъ; остановились противъ воротъ; путники соскочили, и Бугровъ, покинувъ своего товарища, пустился бѣгомъ на крылечко, перескочилъ въ одинъ прыжокъ нѣсколько ступеней и остановился, озадаченный встрѣчею старушки въ самыхъ дверяхъ. Поглядѣвъ съ секунду на нее, онъ закричалъ: «няня Василиса!» и бросился ее обнимать. Старуха, съ своей стороны, обняла его

пріемовъ въ десять, опускаясь послѣдовательно все ниже и ниже, такъ–что Бугровъ не успѣлъ опомниться, какъ она дошла ужь до икръ его и сапожныхъ носковъ.

Въ домѣ не спали, но никто почти не былъ еще готовъ для пріема такихъ дорогихъ гостей, особенно одного чужаго. Отецъ, вопреки предположеній сына, явился первый и обнялъ Уключинова почти съ такимъ же отеческимъ чувствомъ, какъ своего сына. Затѣмъ вышла поспѣшно мать, приготовившись принять сына, ради гостя, съ нѣкоторымъ приличіемъ и чинностью; но она ужь вошла въ комнату съ чепцомъ на бекрень, хотѣла–было начать раскланиваться, но залилась слезами и бросилась на шею сына, который обнялъ ее въ одинъ прыжокъ. Какъ только показалась старшая дочь, Варвара, то братецъ ловко подсунулъ ей, вмѣсто себя, гостя, на котораго она и разлетѣлась со всего разгону, а самъ за него уклонился... Она внезапно вспыхнула, когда руки ея уже коснулись плечъ мнимаго братца, который

стоялъ, руки по швамъ, наклонивъ сперва почтительно голову, а потомъ, какъ–будто готовый отклонить ее въ бокъ или назадъ... Братецъ, захохотавъ, выскочилъ изъ–за друга и обнялъ обоихъ въ одинъ пріемъ, а тамъ еще разъ сестрицу въ–одиночку, и не успѣлъ еще выпустить ее изъ объятій своихъ, какъ въ комнату влетѣла другая сестра и втерлась между ними третьею...

«Что ты сдѣлалъ со мною сегодня!» укорялъ Уключиновъ вечеромъ своего товарища: «я во весь день не зналъ куда дѣваться, право; и самъ не знаю, что со мной, а какъ только взгляну на сестру твою, такъ бы вотъ въ землю ушелъ...»

Прошла недѣля; болѣе оставаться имъ нельзя было, и товарищи, между слезъ, благословеній, пожеланій, снова усѣлись въ бричку, которая должна была довезти ихъ до первой станціи, и покатили...

Куда ушли всѣ радости эти? гдѣ минута, когда Бугровъ воскликнулъ: «о, какъ мы счастливы!..» Всего прошла одна только недѣля, ничего существеннаго не измѣнилось, а горько ему было и очень–

тяжело на душѣ. Оставалось заѣхать еще въ Орловскую Губернію къ Уключинову, погостить и тамъ съ недѣльку, и затѣмъ прямымъ и скорымъ путемъ чрезъ Днѣстръ, чрезъ Прутъ, чрезъ Дунай — и Богъ вѣсть куда дальше, куда полетитъ двуглавый орелъ...

На первой станціи, при перекладкѣ вещей въ телегу, встрѣтилось маленькое затрудненіе уложить вещи, хотя онѣ прежде укладывались свободно: оказалось, что старушка напекла цѣлый возъ однихъ подорожниковъ, не говоря ужь о жареныхъ индѣйкахъ и поросятахъ. Несмотря ни на какое стараніе, значительная часть этого продовольствія была снова погружена въ бричку и поѣхала, при нѣжномъ, благодарственномъ письмѣ, домой. Уключиновъ, получившій позволеніе называть Вареньку также милою сестрицей, приписывалъ ей, въ этомъ званіи, нѣсколько строкъ, и сбоку, поперегъ письма, выставилъ парочку многозначительныхъ стишковъ, выбранныхъ на память изъ Жуковскаго...

Чѣмъ ближе путники наши подъѣзжали къ Орлу, тѣмъ смирнѣе и задумчивѣе становился вѣтрогонъ Бугровъ, между–тѣмъ какъ Уключиновъ постепенно оживалъ и дѣлался развязнѣе обыкновеннаго. Подъ–вечеръ, въ жаркій день первыхъ чиселъ іюня, Уключиновъ сталъ мало–по–малу признавать полузабытую мѣстность: «Вотъ эту ветхую, деревянную церковь я помню; въ это село я ѣздилъ однажды съ отцомъ; но она ужь, какъ видно, упразднена, стоитъ и разсыпается, а подлѣ усердіемъ зажиточныхъ прихожанъ выстроена каменная... но не–уже–ли она красивѣе старой? Нѣтъ, наши старыя, даже и деревянныя церкви красивѣе новыхъ: новыя гладки и голы. Вотъ эти три мельницы я помню: онѣ виднѣются даже съ кровли нашей голубятни... а вонъ и разсыпной курганъ, одинокій свидѣтель никому–невѣдомыхъ событій. Помню разсказы няньки о каменной бабѣ, которая стояла на немъ и пошла, разсердившись на орловцевъ, куда–то въ Тмутороканьское

Княжество, къ татарамъ; слѣды поступи ея семь лѣтъ травой не поростали... «Бугровъ, взгляни впередъ, неужто тебѣ вѣщее не говоритъ, чья усадебка будетъ вонъ — вонъ, за тѣмъ лѣсочкомъ?» Уключиновъ сдѣлался противъ обыкновенія говорливъ; онъ какъ–то ожилъ. Тамъ, за лѣсочкомъ этимъ, тянется овражекъ; по подошвѣ его прыгаетъ по камешкамъ рѣчка, небольшая, но чистая и быстрая; лѣсокъ переходитъ на ту сторону оврага, скучивается въ полугорьи густо, а деревья ростутъ на этомъ мѣстѣ дружно и высоко; далѣе лѣсокъ разсыпается мелкимъ кустарникомъ, и гдѣ стоитъ въ полѣ одинокій вязъ, тамъ ему конецъ... подъ самымъ густымъ и дружнымъ лѣскомъ стоитъ домикъ, съ широкимъ навѣсомъ въ видѣ выступа напереди; на выступъ ведутъ полукружіемъ двѣнадцать ступеней, и подъ каждой ступенькой яркими красками изображена охота: тутъ травятъ зайца, повыше стрѣляютъ куропатокъ, тамъ гоняютъ волка — помнишь? Виноватъ, ты вѣдь этого и не видалъ!.. По обѣ стороны

воротъ скворечницы, на длинныхъ жердяхъ; насупротивъ, въ глубинѣ двора, голубятня; подъ скворечницами собачьи кануры, пустыя, а собаки бѣгаютъ на свободѣ; отъ крылечка идетъ чуть–покатый заповѣдной лужокъ, чрезъ который нѣтъ ѣзды, и ты пускаешься къ рѣчкѣ, гдѣ съ большимъ трудомъ пріурочены два большіе куста тростника; на нашей рѣчкѣ его нѣтъ... Мы съ тобой поселимся на вышкѣ, о которой я забылъ тебѣ сказать: она на самой срединѣ, надъ выступомъ, низенькая, уютная и зимой не жилая; но теперь будетъ въ ней прекрасно: отъ жара, чтобъ не пропекало, нанесена двойная кровелька, и промежутокъ той и другой биткомъ набитъ птичьими гнѣздами, которыя я, бывало, потрошилъ дюжинами... Бугровъ, видишь?» Бугровъ обнялъ товарища, подбилъ ему при этомъ случаѣ на кочкѣ глазъ вискомъ своимъ и успокоился.

Солнце по лѣвую руку собиралось садиться, когда они взяли направо за лѣсокъ и вправѣ же увидѣли усадебку, какъ ее описалъ Уключиновъ. Телега

неслась по чистому, ровному мѣсту, открытому со стороны усадьбы, гдѣ, безъ–сомнѣнія, услышали колокольчикъ, потому–что женщина, въ розовомъ платьицѣ, быстро выбѣжала на крылечко, взглянула на ѣдущихъ и въ ту же минуту, закричавъ что–то въ растворенную дверь комнатъ, пустилась бѣгомъ чрезъ лужокъ, чрезъ кладку на рѣчкѣ, прямо на нихъ... Покуда телега спускалась по объѣзду, дѣвушка ужь перерѣзала путникамъ дорогу, и они не успѣли соскочить съ телеги, какъ молоденькая и пригоженькая Анюта, вскочивъ будто на крылышкахъ въ повозку, лежала въ объятіяхъ брата. Тогда только ямщикъ успѣлъ повернуть лошадей немного бокомъ, противъ косогора, и остановивъ ихъ, съ улыбкой оглядывался назадъ себя на баръ. Анюта безъ обиняковъ усѣлась между двумя товарищами, слегка поздоровалась съ Бугровымъ, и закричала ямщику: «пошелъ, пошелъ!»

Между–тѣмъ отецъ и мать вышли скорыми шагами на крылечко; двое маленькихъ сыновей пустились бѣгомъ на

встрѣчу, также перебѣжали–было въ–торопяхъ кладку, но увидѣвъ, что ужь опоздали, воротились назадъ и встрѣтили телегу почти у самыхъ воротъ. Вся дворня высыпала, женщины напереди, позади ихъ мужская прислуга, покрикивая исподтишка на бойкихъ ребятишекъ, совавшихся, ради диковинки и общей тревоги въ домѣ, подъ ноги пріѣзжимъ.

На другой же вечеръ, когда товарищи сидѣли на вышкѣ своей, простившись съ хозяевами, и собирались ко сну, Бугровъ разсыпался предъ Уключиновымъ въ самомъ короткомъ любовномъ признаніи. Онъ не хотѣлъ и слышать ни о скоромъ отъѣздѣ, ни о службѣ, ни о славѣ, которая ждала ихъ за Дунаемъ. «Я остаюсь здѣсь, у тебя» говорилъ онъ: «будь что будетъ, пусть меня исключатъ, пусть отдадутъ подъ судъ, пусть, наконецъ, казнятъ — я отсюда не тронусь ни на шагъ. Сестра твоя... ну, я не знаю, что она изъ меня сдѣлала въ одни сутки — я себя не помню, не узнаю... Весь свѣтъ мнѣ теперь вдвое милѣе, вдвое краснѣе и пригоже; все умное, доброе и

хорошее вдвое умнѣе и лучше; но ужь за то все глупое и пошлое вдвое глупѣе и пошлѣе. Воля твоя, а я остаюсь здѣсь, на вышкѣ этой, или, пожалуй, на голубятнѣ, и буду жить тамъ до скончанія вѣка». Уключиновъ помалчивалъ и улыбался, отвѣчалъ на бѣшеныя объятія друга умѣренными ласками, призадумался и погасилъ свѣчу.

Рѣзвая пятнадцатилѣтняя Анюта, съ золотистыми кудрями своими и розовымъ личикомъ, почти съ первой встрѣчи не отличала роднаго братца отъ названаго, котораго, ужь по предварительному письменному уговору, обязана была называть братцемъ, да, сверхъ–того, еще милымъ; онъ же гонялся за нею по саду, какъ за козочкой, и въ нѣсколько дней вовсе позабылъ свою сестрицу Вареньку. Между–тѣмъ недѣля ушла, прошли и еще два дня, и еще день, которые Бугровъ вымолилъ у товарища своего, какъ отчаянную, послѣднюю отсрочку, и русскій инвалидъ, прибывшій въ сельцо Помалово съ вѣстями о взятіи Браилова, едва только

могъ заставить обезумѣвшаго Бугрова опомниться, выслушать спокойно Уключинова и согласиться, что точно ѣхать пора и нельзя терять болѣе ни одного часа. При прощанiи онъ плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, и сѣлъ въ телегу точно какъ приговоренный.

Прошло слишкомъ три года послѣ этого, какъ молодой подпоручикъ, съ крестикомъ, ѣхалъ въ домовый отпускъ, въ Тверскую Губернiю. Онъ ѣхалъ одинъ, безъ друга и товарища своего и былъ очень–похожъ на вѣтрогона Бугрова, потому–что это онъ самый и есть; неподросшiя бакенбарды придавали ему болѣе–степенный и мужественный видъ, а въ наружности и осанкѣ его трудно было узнать бывшаго Бугрова. Велико ли дѣло три года, а какъ они иногда измѣняютъ человѣка!

Опять лежалъ ему путь съ юга на Орелъ, но онъ и не подумалъ заѣхать къ Уключиновымъ, въ Помелово. Что ему тамъ дѣлать? Друга и товарища, въ которомъ онъ души не слышалъ, нѣтъ; названой сестры, Анюты, нѣтъ... «О, какъ

грустно жить на свѣтѣ» думалъ онъ, сидя небрежно на чемоданчикѣ своемъ и понуривъ голову... «Какъ мертва вся природа вкругъ меня! какъ дико каркаютъ грачи на пашняхъ! какъ уныло и однообразно звенитъ докучливый колокольчикъ!..»

Радостенъ былъ пріемъ, особенно первая встрѣча Бугрова въ тверской усадебкѣ; тамъ, какъ–будто наперекоръ всему свѣту, ничего не измѣнилось въ три года — по–крайней–мѣрѣ по наружности: почтенный старичокъ со старушкой немного постарѣли, но были еще свѣжи и бодры; Варенька, изъ пятнадцатилѣтняго полуребенка распустилась и расцвѣла въ восьмнадцатилѣтнюю дѣвицу; но грусть по другомъ братѣ, по Уключиновѣ, о которомъ писалъ Бугровъ родителямъ своимъ изъ–подъ Шумлы, такъ–глубоко врѣзалась въ мягкія черты варенькина личика, что грустно было на нее смотрѣть. Счастіе, или надежда на житейское спокойствіе будущности для обоихъ семей этихъ было разстроено, разбито.

Уключиновъ палъ при какой–то незначительной ночной стычкѣ, а сестра его, спустя около года послѣ этого печальнаго случая, вышла противъ воли замужъ, за довольно–богатаго старичка, сосѣда ихъ, который, по мнѣнію родителей ея, непремѣнно долженъ былъ составить ея счастіе. Вотъ какіе безбожные каламбуры, не вѣдая того, строятъ иногда старички наши, и вотъ какъ играютъ, не только словами, но и самою жизнью людей! Они пристроили дочь и сами были довольны; заботы ихъ о ней миновались: какъ же не быть ей счастливою? Но, почтенные старички, какъ же вы не разсудите, что у нея не было и быть не могло вашихъ заботъ, а были и есть и долго еще будутъ свои, о которыхъ вы теперь знать не хотите, потому–что память ваша коротка и вы давно о нихъ забыли?..

Проходитъ еще годокъ; семейство Бугровыхъ сидѣло за вечернимъ чаемъ. Поручикъ, который состоялъ въ расположенномъ около Москвы корпусѣ, былъ опять наѣздомъ дома, пріѣхавъ

только на нѣсколько дней. Это было зимой; на окнахъ наросла цѣлая моховина льду и инея, къ которымъ привѣшивались снаружи хлопья снѣга; весь домишко тонулъ въ сугробахъ снѣжныхъ, и бесѣда между старикомъ и сыномъ шла о хозяйствѣ, о томъ, между–прочимъ, что «у насъ, разсчитывая рабочія силы крестьянина, надо класть въ счетъ то, чего за границей и не знаютъ: сколько рабочихъ дней пойдетъ у крестьянина самымъ незамѣтнымъ образомъ, потому–что онъ ужь къ этому привыкъ, на отвалъ снѣгу при молотьбѣ отъ стожка, на ежедневную очистку ладони, на вывозъ дровъ изъ лѣса, который засыпанъ снѣгомъ, до первой развилины пней, и наконецъ, на самую бездѣлицу — на обрубку льда вкругъ прорубей и колодцевъ, чтобъ добыть воды... все это надо положить въ разсчетъ» говорилъ старикъ, не замѣчая, въ горячности разговора, что слуга стоитъ предъ нимъ въ какомъ–то томительномъ и суетливомъ ожиданіи. «Что такое?» спросилъ сынъ. «Кто–то на дворъ въѣхалъ» отвѣчалъ тотъ, «въ дорожной

повозкѣ». Оглянулись — Уключиновъ, съ мерзлыми усами, съ мохнатою шапкой въ рукахъ, стоитъ ужь въ дверяхъ... Общее молчаніе длилось нѣсколько секундъ; явленіе это было слишкомъ–непонятно и неожиданно; притомъ Уключиновъ измѣнился въ–теченіе послѣдняго времени и, въ–добавокъ, еще распухъ и раскраснѣлся отъ безсонницы и отъ морозовъ. Молодой Бугровъ перекрестился; Варенька поблѣднѣла, какъ полотно, и устремивъ взоры прямо на привидѣніе, медленно начала приподыматься со стула; но она внезапно опять присѣла, и голова ея скатилась на плечо. Мгновенно все общество ожило: старики, братъ и гость — все бросилось безъ разбора къ ней на помощь, и только когда она опять пришла въ себя и подала молча руку стоявшему подлѣ Уключинову, тогда только начались восторги, привѣтствія, клики и громкія лобзанія, впродолженіе которыхъ, впрочемъ, Уключиновъ располагалъ только лѣвою рукой своею и стоялъ на одномъ мѣстѣ,

принимая постепенно въ объятія свои всѣхъ членовъ семейства.

Успокоившись нѣсколько, сѣли. На всѣхъ лицахъ написано было рѣзкими чертами радостное изумленіе и любопытство, кромѣ одного только личика, которое было въ эту минуту облечено въ сіяніе блаженства и покоя. Она была такъ счастлива настоящимъ, что въ груди ея не вмѣщалось болѣе никакого чувства; она не хотѣла знать ничего, кромѣ того, что милый ея здѣсь, предъ нею, и что она держитъ теперь его руку.

Неменѣе того Уключиновъ долженъ былъ объяснить чудо и сдѣлалъ это, на первый случай, въ немногихъ словахъ. «Я былъ брошенъ замертво» сказалъ онъ, «и полкъ, какъ тебѣ извѣстно, не останавливаясь ни на пять минутъ, понесся бѣглымъ шагомъ въ траншеи, гдѣ, какъ я слышалъ, продержали васъ безсмѣнно нѣсколько дней. Между–тѣмъ линѣйки подвижнаго госпиталя подоспѣли, подобрали всѣхъ, кто еще дышалъ, и въ томъ числѣ меня; прямо съ позиціи

отправили насъ, послѣ перевязки, въ Бальчикъ, оттуда въ Каварну, оттуда въ Браиловъ; всюду я оставался однимъ изъ послѣднихъ, потому–что остальные поголовно вымирали чумой. Сюртукъ былъ снятъ съ меня, когда я былъ убитъ на–повалъ пулею въ грудь на–вылетъ; мнѣ досталась солдатская шинель. Однополчанъ со мною вмѣстѣ не случилось, никто меня не зналъ, говорить я не могъ болѣе мѣсяца. Иванъ непомнящій — да и кончено дѣло» продолжалъ онъ разсмѣявшись, когда замѣтилъ, что Варенька опять начинала блѣднѣть и крѣпче сжимать его руку — «и въ этомъ видѣ провалялся я до сентября, а тамъ отправленъ былъ моремъ въ Одессу, но, за бурей, попалъ въ Севастополь; отыскавъ же наконецъ полкъ свой и доказавъ самоличность свою, я снова поступилъ въ списки и ряды живыхъ, поспѣшилъ, при первой возможности, домой, гдѣ встрѣтилъ молоденькую вдовушку свою, а тамъ и сюда...»

Молодой Бугровъ вспыхнулъ отъ какого–то вертижа и потомъ поблѣднѣлъ и

будто потерялъ вдругъ всякое участіе къ судьбѣ сестры своей и дорогаго товарища, спросилъ робкимъ и озабоченнымъ голосомъ: какую молодую вдовушку?.. «А развѣ ты и этого не знаешь?» сказалъ тотъ. «Помилуй, Анюта жила замужемъ неполныхъ два мѣсяца, шесть или семь недѣль. Дѣдушка Макаръ Иванычъ, какъ я привыкъ еще съ малыхъ лѣтъ называть покойнаго зятя, дѣдушка не на радость задумалъ жениться...»

Пошли привѣтствія и радушныя пожеланія стариковъ, между–тѣмъ какъ Уключиновъ слушалъ ихъ только краемъ уха: онъ былъ занятъ другимъ, а Бугровъ, который, въ свою очередь, также едва усидѣлъ на стулѣ, хотя и посмѣялся было сестрѣ, всталъ и вышелъ на морозъ, подъ предлогомъ распорядиться о поклажѣ гостя.

Къ ночи, когда друзья наши, послѣ многихъ, нѣжныхъ прощаній и пожеланій, остались одни, они крѣпко обнялись еще разъ и радостно прослезились. «Ну, дружище» сказалъ одинъ изъ нихъ, «дѣло–

то подходитъ къ развязкѣ? Какъ ты думаешь, не всякому поручику довелось познать на себѣ все то, что намъ съ тобой — а?» Бугровъ, въ отвѣтъ на это, принялся разспрашивать друга объ Анютѣ, и продолжалъ спрашивать и слушать, покуда ужь ничего болѣе было ни спросить, ни отвѣтить. Оба заснули въ такомъ блаженствѣ, что проснулись словно въ раю; разница была только та, что одинъ достигъ ужь, можно сказать, предѣловъ своихъ желаній: счастье было у него въ рукахъ и на этотъ разъ онъ не намѣревался упустить его; а другой, предвидя довольно–надежнымъ образомъ то же и для себя, порывался туда, гдѣ все должно было свершиться. И этотъ день прошелъ въ такой отрадной существенности, въ такихъ блаженныхъ мечтахъ и залетныхъ грезахъ, что, конечно, не было на свѣтѣ человѣка, который бы не позавидовалъ низенькой кровелькѣ въ тверскомъ захолустьѣ, скрывавшей подъ собою столько благоденствія... Уключиновъ еще не объяснялся ни съ Варенькой, ни съ ея

родителями; но дѣло само–собой покончилось и порѣшилось; никто, ни даже сами родители, взглянувъ хотя однажды впродолженіе дня на чету эту, не могли усомниться, чтобъ не видѣли предъ собою жениха и невѣсту.

Но старикъ Бугровъ, несмотря на это, Богъ–вѣсть отчего, былъ какъ–то во весь день озабоченъ и даже скученъ; онъ развеселялся только, какъ–будто забывшись, а тамъ опять ходилъ или сидѣлъ призадумавшись. Наконецъ онъ отозвалъ сына въ другую комнату и сказалъ ему вотъ что: «Послушай, другъ мой, подумайте о томъ, что вы дѣлаете: вспомните, что вамъ, въ одно и то же время и шурьями и зятьями быть нельзя; либо то, либо другое». — «Какъ?» спросилъ молодой Бугровъ, озадаченный дотого, что не могъ сообразить простаго смысла этихъ словъ. «А какъ же?» продолжалъ отецъ: «Богъ съ тобой, другъ мой, опомнись; этого нельзя, не позволяется: родство!»

Что оставалось дѣлать теперь нашимъ бѣднымъ поручикамъ, когда судьба еще

разъ поставила ихъ въ самое неожиданное и отчаянное положеніе? Не–уже–ли Бугрову было противиться видимому блаженству сестры и друга, разорвать теперь этотъ неразрывный, искусившійся союзъ, и не–уже–ли ему отказаться навѣкъ отъ своего счастья, которое, послѣ такихъ, едва–сбыточныхъ превратностей, ему окончательно улыбнулось? Но что же будетъ изъ бѣдной Анюты, горькой вдовы почти до ненавистнаго ей замужества, изъ Анюты, которая была все та же, по словамъ брата, и даже сказала ему, обнявъ его въ послѣдній разъ въ повозкѣ: «я не выйду, братецъ, изъ повозки твоей... вези меня съ собой, туда...»

Да, это бореніе было жестоко. Десять разъ приставала сестра къ милому брату, а женихъ ея къ другу: они не понимали, какой недобрый духъ могъ въ это блаженное время поселиться въ домѣ и заставить отца, мать, а наконецъ и сына, ходить изъ угла въ уголъ съ такимъ стѣсненнымъ, унылымъ видомъ... Но Бугровъ упорно молчалъ; онъ ужь

объяснился съ отцомъ, который обнялъ его при этомъ и на глазахъ котораго сынъ, сколько могъ припомнить, отъ–роду въ первый разъ увидѣлъ слезу... Бугровъ отказывался отъ своего счастья, отказывался отъ предположенной поѣздки въ Орелъ, и, вмѣсто того, завтра же уѣзжалъ въ полкъ... Такъ бы оно и сталось, вѣроятно, еслибъ мать не проговорилась дочери, которая, въ свою очередь, выплакала все горе это на грудь своего милаго.

Итакъ, много ли дней прошло опять съ того времени, какъ Уключиновъ вошелъ съ намерзшими усами и какъ всеобщее счастье почти каждаго изъ членовъ этихъ двухъ семействъ казалось прочно–обезпеченнымъ? А что жь теперь? И кто пособитъ этому горю, этому бѣдствію?

Я вамъ скажу, кто пособитъ: собственная сила и воля надъ собою человѣка. Не вѣрьте, чтобъ счастіе было извнѣ; оно въ васъ, внутри васъ: это — воля ваша, сила души и вѣра.

Уключиновъ недолго боролся и страдалъ; онъ рѣшился скоро. «Варенька» сказалъ онъ ей, когда они были одни: «послушай и пойми меня, другъ мой; я теперь ужь не свой; я не могу располагать ни собою, ни своею волею: я твой. Но смотри, что мы дѣлаемъ: хладнокровно, обдуманно и умышленно мы разбиваемъ навѣкъ счастіе моей сестры и твоего брата; только этою цѣною мы можемъ искупить бракъ свой. Но, другъ мой, необходимо ли это для насъ и не будетъ ли насъ преслѣдовать навсегда угрызеніе совѣсти, когда мы будемъ осуждены смотрѣть на отравленную нами жизнь любимцевъ нашихъ? Не отравитъ ли это навсегда и нашу жизнь, и гдѣ жь мы тогда найдемъ того, чего мы такъ жадно и продолжительно искали — счастія?»

Лицо Вареньки постепенно свѣтлѣло; глаза ея принимали необычайный блескъ; кроткія черты становились рѣзче и переходили въ выраженіе рѣшимости и покоя; одно только бурное колыханіе груди измѣняло ей. Уключиновъ продолжалъ: «а

еслибъ мы остались навсегда братомъ и сестрой, еслибъ всегда любили другъ друга, какъ любимъ теперь, развѣ мы бы не были счастливы?»

Варенька бросилась ему на шею и могла только проговорить: «братъ...»

Предоставляю вамъ судить о новомъ изумленіи цѣлаго семейства, когда Варенька съ женихомъ своимъ вошла рука–въ–руку и, вмѣсто ожидаемаго всѣми со страхомъ и радостью объясненія, просила отца и мать благословить — не жениха и невѣсту, а брата съ сестрой! Старики недоумѣвали, что дѣлать, какъ это принять; мать горько плакала; братъ выходилъ изъ себя и рвалъ на себѣ волосы... Одна только чета эта, Варенька съ новымъ братцемъ своимъ, стояла спокойно и безмятежно, ублажаемая чистымъ и сладкимъ чувствомъ своего мечтательнаго самопожертвованія...

Но дѣло разъигралось совсѣмъ–иначе. «Дѣти» сказалъ, подумавъ, отецъ: «я вижу, что все это такимъ образомъ добромъ кончиться не можетъ: беру грѣхъ на себя и устрою по крайнему своему разумѣнію».

Онъ разсказалъ имъ, что и какъ предполагаетъ сдѣлать, и не успѣлъ онъ кончить, какъ опять ужь всѣ обнимались со слезами чистой радости, и не было ни одной слезинки горькой, слезы отчаянія и печали.

Чрезъ нѣсколько дней два друга опять ужь сидѣли въ повозкѣ путника и заѣхавъ на короткое время, для двухнедѣльнаго отпуска Бугрову, въ Подмосковную, помчались далѣе, въ Орелъ. «Вы меня еще помните?» спросилъ онъ, вошедши съ полукруглаго крылечка подъ навѣсомъ въ комнату, въ которой сидѣла за работой молодая женщина, въ печальномъ платьѣ… Опять чрезъ два дня Уключиновъ, устроивъ дома все нужное, несся во весь духъ на Тверь, въ усадьбу Бугровыхъ, а Бугровъ остался у Уключиновыхъ, которымъ, конечно, было и довольно времени и случая одуматься, пожалѣть о прошломъ и не противиться будущему…